

ОКСАНА СЕМЫК
РОМАНТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Ужасная
крава

Аннотация

Какие «скелеты» хранятся в шкафах членов семьи генерала Виноградова? Что будет, если извлечь их на свет? На что люди готовы ради больших денег, шикарной квартиры, обеспеченного будущего? Какие темные стороны открываются в их душах в погоне за богатством? Готовы ли они заплатить за это высокую цену — пойти на убийство? И каково это — узнать, что все твои близкие — вовсе не такие, какими ты считал их много лет, и что кто-то из них — хладнокровный убийца? Главной героине, внучке генерала, приходится пройти через это. Ее привычная жизнь разбита на осколки. Елене предстоит потерять всё, чтобы найти любовь. Но прежде необходимо вычислить преступника.

Детектив в духе Агаты Кристи в декорациях России начала 90-х годов двадцатого века. Запутанная интрига держит в напряжении до самой последней главы. Но для автора важнее даже не она, а возможность исследовать тайники человеческих душ, показать перерождение человека как в лучшую, так и в худшую сторону под влиянием обстоятельств, ну и, конечно, еще раз поговорить о любви.

Оксана Семык

Чужая кровь

Пролог

Даже не знаю, с чего лучше начать. Наверное, с первого неожиданного поворота моей судьбы.

Мне тогда было восемь лет, брату шесть. В тот день Ба приехала за мной в школу и забрала с двух последних уроков. У крыльца школы нас ждала дедушкина служебная машина. Внутри уже сидел Андрюшка, мой младший брат.

— А давайте поедem в парк, покатаемcя на каруселях, — забравшись на заднее сиденье рядом с бабушкой и братом, предложила я. — Дядя Миша, поезжай в парк! — ткнула я пальцем в спину дедушкиного водителя, которого хорошо знала.

— В палк, в палк! — подхватил мою идею Андрюшка.

— Нет, Алёнушка, ни в какой парк мы сегодня не поедem, — мягко возразила Ба, и только сейчас я заметила, что из-под её очков медленно текут слёзы. — Мы поедem в больницу.

— Зачем в больницу? У меня ничего не болит. Хочу в парк! — раскапризничалась я.

Ба обняла меня за плечи.

— Мы поедем к папе и маме. Они разбились на машине. Им сейчас плохо, и мы должны быть рядом с ними. Понимаешь?

Кивнув, я притихла, пытаюсь представить себе, как это человек может разбиться. Я вспомнила, как однажды на моих глазах разбилась большая напольная ваза, когда мы с Андрюшкой, заигравшись в гостях у Ба и Деда, толкнули её. Ваза медленно покачнулась, встала на ребро основания и, не удержав равновесия, также не спеша, рухнула на пол, расколовшись на несколько больших частей. Я представила себе маму и папу, неуклюже, словно большие матрёшки, заваливающихся на бок, как та ваза, и мне вдруг стало смешно. Я хихикнула, взглянула на бабушку, но та смотрела прямо перед собой скорбно и строго, и я не решилась с ней заговорить.

В больнице Ба посадила меня на кушетку в коридоре, попросила толстую медсестру с добрым улыбочивым лицом присмотреть за мной и братом и

скрылась за белой дверью. Сначала я рассматривала висящий на противоположной стене плакат о профилактике бешенства. Меня заинтересовала изображённая на нём собака с широко раскрытой зубастой пастью, из которой текла слюна. Мне показалось, что она очень похожа на собаку нашего соседа, дяди Коли. Но вскоре собака перестала меня занимать, и я заскучала. Вынув из кармана маленькое зеркальце, я начала пускать солнечные зайчики на белых стенах.

Однако и это занятие увлекло меня ненадолго. Сунув зеркало обратно в карман, я встала и подошла к двери, за которой скрылась Ба. Приоткрыв дверь, я обнаружила комнату, такую же белую, как и коридор. Но рассмотреть ее мне не удалось: толстая медсестра, присматривающая за братом, шикнула на меня и снова усадила на место. Порывшись в кармане халата, она извлекла упакованную в целлофановую обёртку колбаску больших таблеток и протянула мне одну:

— На, скушай «аскорбинку».

До сих пор помню ее вкус. Наверное, он врезался в память из-за того, что произошло, как только таблетка раскрошилась под моими зубами. Открылась дверь, за которую я заглядывала, и наконец появилась бабушка. Она подошла какой-то

деревянной походкой и, не наклоняясь, обняла меня, отчего я уткнулась носом в её мягкий живот.

— Сиротинушки вы мои, — выдохнула Ба.

Только гораздо позже я узнала, что произошло в тот день с моими родителями. Они возвращались из поездки к Чёрному морю. В тот раз они не взяли меня и брата с собой, а решили оставить нас с Дедом и Ба. Отец сам сидел за рулём новенькой «Волги». Обгоняя какой-то автобус, он вылетел на встречную полосу и лоб в лоб столкнулся с грузовиком.

Отец погиб сразу. Мама сидела на заднем сиденье и, хотя и получила множественные переломы, была ещё жива, когда её везли в больницу в карете «скорой помощи». Она ещё смогла продиктовать телефон Ба и попросила передать ей, чтобы та привезла с собой детей. Теперь я понимаю, что мама хотела проститься с нами. Но когда мы приехали в больницу, она уже была без сознания и через полчаса умерла, так и не увидев меня и брата.

Тогда моя жизнь перевернулась в первый раз.

Глава 1

После похорон родителей мы с Андрюшкой переехали жить в шикарную дедову квартиру в центре Москвы. В ней было целых пять комнат, и поэтому там было здорово играть в прятки. «Мой дед — генерал!» — гордо говорил Андрюшка. И, действительно, Дед был самым настоящим генералом с целой кучей медалей и орденов, шинелью с каракулевым воротником, служебным автомобилем и личным шофёром.

Дед нас терпел, но не любил. С самой первой нашей встречи он относился ко мне особенно холодно. Лишь много позже мне стало известно, что Дед был шокирован, узнав, что его сын собирается жениться на чистокровной еврейке. Уж не знаю, чем это ему так досадили евреи, только согласия на брак Дед не дал, и мой отец женился на моей матери против его воли. Несколько лет Дед не хотел даже видеть мою мать и нас с Андреем. Потом немного смягчился, и встреча родственников, наконец, состоялась.

Тот день я тоже помню хорошо. На мне было надето моё самое лучшее платье, в волосах красовались два огромных банта. Я знала, что должна встретиться со своим дедушкой, и очень хотела ему понравиться.

Переступив порог генеральской квартиры, я почувствовала, что у меня дух захватило от окружающей красоты. Высокие потолки с лепниной, до блеска начищенный паркет, хрустальные люстры, ковры, обои с позолотой, горки с хрусталём и фарфором, пальма в кадке, кругом салфетки и салфеточки. Я никогда раньше не видела подобной роскоши. «Как, должно быть, счастливы те люди, которые могут тут жить», — подумала я тогда.

Когда я предстала перед высоким, худым пожилым человеком с резко очерченным лицом и густыми седыми бровями и волосами, то внутренне сжалась в комочек от взгляда его пронизывающих глаз с красными прожилками.

А он, увидев мои чёрные вьющиеся волосы и карие глаза, помрачнел. Я, действительно, была больше похожа на маму, чем на светловолосого, голубоглазого отца.

«Чужая кровь», — процедил сквозь зубы Дед и отвернулся от меня к светлоголовому Андрюшке.

* * *

Итак, через пару лет после тех незабываемых смотрин, волею судеб потеряв родителей, я всё-таки поселилась в генеральской квартире.

Я бы не сказала, что детство моё было совершенно несчастным, но и счастливым я бы его тоже не назвала. Генеральское жалование, паёк, льготы, обеспечивали безбедное житьё, и мы никогда ни в чём не нуждались из еды или одежды, но в семье Деда не было тех непринуждённых, тёплых отношений, какие царили когда-то между моими родителями. Бабушку я любила, зато Деда боялась.

Ба не работала, сидела дома, ведь по хозяйству хлопотала домработница Фрося. Но Ба всегда умудрялась найти себе дело. Она то вязала нам с Андрюшкой тёплые носки, то пекла какие-то умопомрачительные блинчики, то читала нам книжки. Ба старалась заменить нам родителей, окружив заботой и балуя нас.

Но вечером служебная машина привозила Деда, и всё в доме резко менялось и начинало вращаться вокруг одного-единственного человека. Ба всегда встречала мужа у дверей и больше не отходила от него ни на шаг. Я так и не смогла до конца разобраться, чего было больше в бабушке:

обожания мужа или страха перед ним.

Каждый день в восемь вечера мы собирались все вместе за круглым столом, накрытым накрахмаленной скатертью. Это был обязательный ритуал. Я терпеть его не могла. Дед чаще всего ел молча, сосредоточенно глядя в тарелку. Раз молчал Дед, то не решались заговорить ни мы, ни Ба, и в столовой повисало тягостное молчание, прерываемое только стуком ложек и звоном чашек.

Если Дед был в хорошем настроении, он заговаривал с нами, расспрашивал про успехи в школе, но всё равно больше обращался к Андрею. «Учись, Андрюшка, — говорил он. — Вырастешь, станешь военным, генералом, как твой дед».

И хотя я училась лучше брата и во многом была гораздо умнее и талантливее него, тот чаще достаивался скупой дедовской похвалы. Дед гораздо теплее относился к внуку, чем к внучке. Если это можно назвать «теплее». Дед вообще был скуп на эмоции и скор на расправу. Обид не прощал.

* * *

Изредка по почте приходили длинные

конверты с красивыми иностранными марками и с одним и тем же обратным адресом, написанным нерусскими буквами. Не читая и даже не распечатывая, Дед рвал и сжигал эти письма. Очевидно, они были от того, кто когда-то его обидел. Мне нравилось смотреть, как весело пылают эти конверты в большой Дедовой пепельнице, но когда я однажды попыталась вытащить из огня красивую яркую открытку с видом какого-то города, пожалев её, я получила от деда по рукам, а открытка почернела и рассыпалась в пепел.

* * *

Летом Ба увозила нас с братом на дачу. Дед появлялся там наездами, но, к моей радости, даже ночевать оставался редко — служба не позволяла ему отлучаться надолго. Не сковываемые стенами комнат городской квартиры, где каждый угол был заставлен мебелью и завален дорогими безделушками, мы с Андрюшкой пьянели от деревенских просторов и целыми днями шатались по окрестным лугам или загорали у речки.

Впрочем, после одного происшествия свободу нашу очень сильно ограничили. Сколько же мне тогда было лет? Кажется, двенадцать. Да, точно. А

Андрюшке, соответственно, десять.

В тот день Ба была занята — варила варенье, и мы отпросились гулять одни. День был очень жаркий, и, вопреки запрету бегать на речку без взрослых, мы решили искупаться. Сначала мы плескались на мелководье, но потом Андрюшка стал хвастать, что сумеет переплыть нашу речку. Он только месяц назад научился плавать и очень этим гордился. Я стала его высмеивать и обзывать врунишкой. Брат разозлился и поплыл.

Сидя на песке, я лениво наблюдала, как над водой виднеется его голова, и мелькают руки. Кроме меня на берегу ещё лежали несколько дачников, но никто из них не обратил внимания на щупленького мальчишку, бросившего вызов реке.

Собственно, она была не такая уж широкая, и любой взрослый мужчина, я думаю, легко бы ее переплыл. Может быть, даже Андрюшка смог бы её одолеть, кто знает, но в тот раз ему было не суждено достигнуть противоположного берега.

Наверное, его скрутила судорога: где-то на середине реки голова его вдруг ушла под воду, потом появилась вновь, он отчаянно заколотил по воде руками. Рот его раскрылся в крике, но голоса

не было слышно: его сносил в сторону ветер. Я оглянулась на отдыхающих дачников. Никто ничего не заметил.

На мгновение шальная мысль возникла в моей голове: вот утонет Андрюшка, и Дед будет ласковее со мной, станет больше меня любить, и Ба станет ещё больше уделять мне внимания. Я застыла, глядя на сражающегося с рекой брата.

Теперь я уже точно не вспомню, что творилось тогда в моей душе, помню только своё бездействие. Меня охватило странное оцепенение. Я словно раздвоилась. Одна моя половина хотела поднять тревогу, позвать на помощь. Другая половина меня словно окаменела, желая, чтобы борьба брата за жизнь скорее закончилась.

Но тут с берега кто-то разглядел тонущего мальчишку, раздались крики, поднялась суета, и сразу несколько мужчин бросились в воду.

Через пять минут Андрюшка уже лежал на песке. Глаза его были закрыты, худенькое тело содрогалось, выталкивая из себя воду. Теперь я почувствовала огромную жалость к брату. Я опустилась рядом с ним на колени, обняла его и заплакала. Андрюшка открыл глаза и сказал:

«Алька, только не говори ничего Ба!»

Я ничего не сказала, но слишком много было свидетелей происшедшего. Разумеется, бабушке всё стало известно. Срочно вызванный из города Дед собственноручно высек Андрюшку своим ремнём. Пока продолжалась экзекуция, я стояла под дверью, слушая Андрюшкины вопли. То ли устав, то ли решив, что внук наказан достаточно, Дед отбросил ремень — я услышала, как стукнулась об пол тяжёлая пряжка — и вышел из комнаты.

Наткнувшись на меня взглядом, он сморщился, словно от зубной боли, и процедил сквозь зубы: «Раньше вас, бесово отродье, надо было начинать пороть. Пока поперёк лавки укладывались».

* * *

С тех пор Дед брался за ремень довольно часто. Доставалось не только Андрюшке, но и мне. Мне даже больше, потому что я чаще бывала виноватой в глазах Деда. Ба поначалу пыталась вставать на нашу защиту, убеждала «пожалеть сироток», но её трепет перед Дедом пересиливал даже любовь к нам. Одно в её жизни было непреложным правилом: «Муж всегда прав». Она

поддакивала Деду всегда и во всём.

После очередной порки Ба проскальзывала в мою спальню, гладила меня по голове и пичкала меня чем-нибудь вкусненьким, приговаривая:

— Ты на деда-то не обижайся, Алёнушка, он ведь добра вам желает, потому и в строгости воспитывает. Вон, меня отец мой покойный, царство ему небесное, тоже чуть не каждый день порол вожжами. Да как порол! Но я на него вовсе не в обиде. И дед ваш тоже, порой, может так меня приложить! Только я синячок тот тряпицей перевяжу да и забуду о нём. Вот и ты зла не помни. Терпи, внученька.

Я сжимала зубы, размазывала по лицу слёзы и бессильно грозила:

— Вот уйду я от вас. Совсем уйду.

— Куда ж ты пойдёшь, такая маленькая? — смеялась Ба. — Сперва вырасти, паспорт получи, а потом уж котомку собирай.

Этот диалог повторялся так часто, что для меня получение паспорта стало казаться каким-то освобождением от тирании Деда, становившейся всё более несносной.

В тот день, когда я поставила свою закорючку в новеньком, свежевывданном паспорте с гербом на красной обложке, я сказала себе, что теперь-то никто не посмеет меня и пальцем тронуть. Не прошло и нескольких дней, как я вновь провинилась: пошла на танцы с подругой и вернулась на пятнадцать минут позже назначенного срока. Такое в доме Деда, где царил прямо-таки армейская дисциплина, не прощалось. Дед снова избил меня ремнём, и я всю ночь проплакала в подушку, осознав, что паспорт — это ещё не пропуск в самостоятельную жизнь, которая, как мне казалось тогда, обязательно будет у меня счастливой.

Глава 2

В то лето, когда я перешла в десятый класс, произошло событие, изменившее расстановку сил в нашей семье.

Был душный августовский день. Мы проводили его на даче. Андрюшка ещё с утра вскочил на велосипед и умчался с соседскими мальчишками. Я, развалившись в гамаке, подвешенном между двумя старыми яблонями, читала книжку. Дед сначала сидел, подрёмывая, на веранде, а потом, ближе к полудню, поднялся и

зашёл внутрь. Ба, как всегда, хвостом побежала за ним. Дядя Миша, дедушкин шофёр, мыл у ворот служебную «Волгу», и журчание струящейся из шланга воды, смешиваясь с жужжанием мошкары, наполняло истомой, убаюкивая.

Глаза мои потихоньку начали закрываться. Руки всё слабее держали книгу, и вскоре она упала мне на колени. Я не стала её поднимать, медленно погружаясь в дремоту.

Внезапно до меня донёсся раздражённый голос Деда. Казалось, он за что-то отчитывал жену. Это было обычным делом, поэтому я, на мгновение выведенная из сонного состояния, снова закрыла глаза. Но тут я услышала, как Ба, обычно отвечавшая мужу покорным молчанием, громко что-то прокричала. Смысл слов до меня не долетел, но сам факт был поразительным: тихая, забитая Ба перечит своему мужу! Мне стало интересно, что ей придало столько храбрости. Сон с меня мгновенно словно рукой сняло.

Я вылезла из гамака и пошла в сторону дома. Из-за духоты все окна были открыты, и я поняла, что звуки спора доносятся из окна столовой. На цыпочках я подкралась к этому окну и, присев на корточки, спряталась в пышном кусте, росшем под

ним, чтобы меня не заметили. Теперь я могла хорошо слышать каждое слово.

— Как ты можешь! Она же твоя дочь! Ты ей обещал! — кричала Ба.

— Она умерла для меня в тот момент, когда сделала свой выбор! — орал Дед. — Она для меня больше не существует! Ничего она от меня не получит!

— Но это не для неё. Это для её детишек, твоих внуков, между прочим! Как можно быть таким бессердечным!

— Цыц! Не смей мне указывать! Не твоего ума дело!

— Коли начала говорить, так уж скажу до конца. Что же ты, в могилу думаешь всё с собой забрать? Смерть ведь наша не за горами уже. Да только к гробу-то тележку не прицепишь! Всю жизнь как бирюк какой живёшь. Привык солдатами своими командовать, приказы раздавать, так и детьми своими всю жизнь командовать пытался. Да только не вышло у тебя всё равно ничего. И сын, и дочь поступили по-своему. Теперь вот думаешь внуков к ноге поставить?

— Заткнись, старая! — взревел Дед.

Я услышала звук удара, потом словно уронили на пол тяжёлый мешок. И сразу наступила тишина. Движимая любопытством, я медленно выпрямилась, через окно заглянула в столовую и замерла, поражённая. На полу навзничь лежала Ба. Из раны на ее голове текла кровь. Дед стоял на коленях рядом с телом.

Я неловко задела цветочный горшок, стоявший на подоконнике. Дед поднял голову, и наши глаза встретились. Он побелел и забормотал:

— Это не я! Я её не убивал.

Я впервые увидела его таким слабым, с дрожащими руками и испуганным лицом.

Внезапно я поняла, что это шанс.

— Я слышала, как вы ругались, — сказала я. — А потом ты её ударил.

— Она сама. Она стукнулась головой об этот угол, — Дед трясущимся пальцем указал на тяжёлый дубовый стол.

— Тебе никто не поверит. Я всем расскажу, как ты её ударил.

— Ах ты, маленькая змея! — Дед, вскочив, через всю комнату бросился ко мне, но я живо отскочила от окна.

— Ты больше никогда не будешь меня бить. Ты слышишь? Я никому не скажу, что ты её ударил, а ты никогда больше не будешь меня бить! — уже почти кричала я.

— Хорошо, — забормотал Дед, напуганный моей истерикой, чувствуя, что я не шучу. — Всё будет так, как ты хочешь.

Я поняла, что победила.

Вот с этого-то момента моя жизнь перевернулась во второй раз.

Уж не знаю, как Дед всё устроил, но для всех остальных, кроме него и меня, обстоятельства смерти Ба были совершенно мирными: внезапно отказало сердце, она упала и ударилась, уже мёртвая, об стол. И только два человека знали правду.

Я завоёвывала свои позиции в доме постепенно, по всем правилам стратегического искусства. Если сначала я выторговала себе только свободу от телесных наказаний, то очень скоро этого мне показалось мало. День за днём я получала всё больше привилегий. Дед уступал мне всё чаще.

После смерти Ба он сильно сдал. Вышел в отставку, стал часто выпивать, перестал следить за собой: шатался по своей пятикомнатной квартире небритый, в спортивных штанах с пузырями на коленях. Это был уже совершенно другой человек. Всё-таки, как мне сейчас кажется, он был по-своему сильно привязан к жене, хотя и поколачивал её и, в конце концов, стал причиной её смерти.

Я наслаждалась свободой. Оговорив ежемесячную сумму, выделяемую Дедом из генеральской пенсии на мои прихоти и на наше с Андрюшкой содержание, в деньгах я не нуждалась.

Окончив среднюю школу, я поступила в химико-технологический университет, но на третьем курсе его бросила. Учиться мне было лень. Деньги я и так исправно получала от Деда. Со скуки устроилась на работу: приёмщицей в

небольшую химчистку рядом с домом, в полуподвальчике. За день мимо меня проходило столько разных людей. Ради развлечения я пыталась каждому придумать какую-то историю: так незаметно пролетали рабочие часы.

После работы я с подругами отправлялась в ресторан или на танцы. Я думала, что именно там одно из мимолётных знакомств закончится моим замужеством, но, как ни странно, встретила будущего мужа на собственной работе.

Карен принёс сдавать в чистку дорогое пальто и, как говорится, «положил на меня глаз». Он был старше меня на пятнадцать лет и мне, двадцатилетней, он сперва показался глубоким стариком. Внешность его мне тоже сначала не понравилась: он был хотя и выше среднего роста, но довольно астенического телосложения, хотя, конечно, хороши были темные вьющиеся волосы и карие умные глаза.

Честно говоря, ту первую нашу встречу я толком и не запомнила. Обратила я на Карена внимание уже позже и лишь потому, что после первого своего визита он каждый день стал заходить в наш полуподвальчик.

И когда я уже стала подозревать, что у него в доме скоро не останется ни одной вещи, за исключением мебели и сантехники, которая бы не побывала в нашей химчистке, Карен наконец решился прийти с букетом цветов вместо очередного ковра или пиджака, и объяснился мне в любви прямо перед обалдевшей очередью.

Но я рассмеялась ему в лицо и всучила букет обратно. «Следующий!» — равнодушно произнесла я, и следующий в очереди, мужчина лет сорока, сострил: «Девушка, а ничего, что я без букета?» Стоявшие за ним несколько теток и один дед бесцеремонно рассмеялись.

Другой после такого позора больше не появился бы, а Карена отказ лишь раззадорил. Уже потом я узнаю, что он привык добиваться всего, чего хочет. И он добился-таки меня.

Ухаживал Карен за мной почти год. Делал он это красиво: рестораны, театры, цветы, дорогие подарки. На меня это не оказывало никакого впечатления, потому что я и сама могла себе ни в чем не отказывать: Дед исправно откупался от меня деньгами.

Карен делал мне предложение трижды, и все

три раза он получал отказ: я ждала, что в моей жизни появится кто-то, в кого я смогу влюбиться без памяти. Но все мои знакомые мужского пола вызывали мой интерес лишь на краткое время, и после непродолжительного, хотя порой и бурного, романа, я понимала: «это не моё».

А Карен всегда был рядом. У него хорошо получалось не быть навязчивым. Он просто в нужный момент оказывался под рукой, готовый выслушать, помочь, утешить. И когда я получила от него четвертое предложение руки и сердца, я сдалась.

Говорят, в каждой паре один любит, а другой лишь позволяет себя любить. Не знаю, насколько это верно, но нашем браке все было именно так. Карен меня обожал, а я лишь купалась в его обожании, не загораясь в ответ. Мне было с ним удобно, уютно, легко, но я не любила своего мужа.

Нет, я не изменяла Карену, хотя пару раз у меня была такая возможность. Я его слишком уважала, чтобы унизить своим адюльтером. Я исправно исполняла супружеский долг, даже находя в этом удовольствие, но при этом не теряла себя от страсти. Мне было хорошо с мужем, но в глубине души я иногда ощущала некое тоскливое

чувство, словно что-то большое и чудесное прошло мимо и больше никогда не вернется.

* * *

Я и после замужества собиралась по-прежнему жить в генеральской квартире, а Карен настаивал на том, чтобы мы снимали отдельное жильё. Сошлись на компромиссе: решено было жить за городом, на генеральской даче. Всё равно я работу после замужества бросила, а Карен мог ездить в город на собственном автомобиле. Детей у нас не было — я решила не спешить и пожить немного в своё удовольствие.

Андрюшка вырос разгильдяем и шалопаем. Едва доучившись восемь классов, он был с облегчением выпровожден из школы, где числился в записных хулиганах и кое-как успевал на тройки. Разумеется, в военное училище, куда очень хотел запихнуть его Дед, дорога ему была закрыта, да брат туда и не рвался. Его документы со скрипом взяли в ПТУ, где он тут же организовал рок-группу и начал играть какой-то разухабистый панк-рок. Доучился ли он в училище, или его оттуда выкинули, для меня так и осталось загадкой.

Брат начал курить. Я часто видела его

пьяным, каждый раз с новой подругой. Мои строгие внушения он пропускал мимо ушей. Когда мы встречались, он неизменно клянчил у меня деньги. Но вот удивительно: чем больше я ему их давала, тем чаще он жаловался на безденежье. Где он работал, и работал ли вообще, тоже было мне неизвестно. Жил он по-прежнему с Дедом, поэтому я всегда была в курсе того, что происходило в генеральской квартире.

Каждый день личный шофёр отвозил Деда в парк. Это был уже не дядя Миша, умерший пару лет назад, а молодой парень Сергей. В парке Дед несколько часов сидел на скамейке и кормил голубей хлебом, потом он возвращался домой и садился к телевизору, смотря все передачи подряд и вслух комментируя их.

Он стал ужасным скрягой. Выделяя Фросе, которая так и продолжала работать на него, совсем крошечную сумму на покупку продуктов, он долго и нудно ругался потом с домработницей, утверждая, что она его потихоньку обворовывает. Он совершенно не желал тратить деньги на ремонт квартиры, чтобы поддерживать её в приличном состоянии, и мне больно было видеть, как быстро ветшают эти когда-то так поразившие моё воображение комнаты. Я часто представляла себя

хозяйкой это квартиры и мысленно прикидывала, какие обои я бы наклеила и как расставила бы мебель.

Глава 3

Время шло. Дед дряхлел. Мне исполнилось двадцать семь лет. Я просто бесилась оттого, что мыкаюсь на даче за городом, а Дед шикует в пятикомнатных хоробах в центре. Я попыталась надавить на старика, он, казалось, поддался и согласился на размен, но только на условиях, устраивающих обе стороны — и меня, и его.

Я целый год изучала объявления об обмене жилья и общалась с маклерами. Но на каждый предложенный ему вариант Дед морщился и обязательно находил какую-нибудь отговорку: то район его не устраивает, то метраж, то соседи. Наконец до меня дошло, что старый хрыч просто издевается надо мной и собирается таким образом водить меня за нос ещё долго. Я решила поставить вопрос ребром и поехала к Деду.

Дверь открыла Фрося. Увидев меня, она всплеснула руками, и её доброе круглое лицо расплылось в улыбке:

— Алёнушка! Радость-то какая! Давненько

деда не навещала. А его, как назло, дома нет. Генерала-то нашего в парк повезли. Впрочем, скоро уж он должен вернуться: врач ему долгие прогулки теперь запретил.

— А что случилось?

— Да недели три назад «скорую» я ему вызывала посреди ночи. Чуть не помер он тогда. Хорошо врачи вовремя приехали. Что-то с сердцем, что ли.

— И как он себя сейчас чувствует?

— Уже лучше. Нанял сиделку. Она везде за ним ходит, по часам уколы делает. А уколы-то нужны и днем, и ночью, так он её прямо здесь, в квартире своей и поселил.

— Вот как? — насторожилась я.

— Такая настырная девица. Всюду нос свой суёт. Ой, не нравится мне всё это... А, впрочем, не моё это дело. Пойду-ка я лучше на кухню, обед разогрею.

— Деда привезут, скажи: я жду в его кабинете, — наказала я Фросе.

Кабинет, декорированный, как и вся квартира, в стиле сталинского ампира, был обшит дубовыми панелями. У стены прямо напротив входа высился доходящий до потолка книжный шкаф, забитый томами с мрачными корешками и золотыми обрезамии. Необъятных размеров письменный стол, стоящий перед шкафом, притягивал взгляд. Справа от входа было окно с тяжёлыми гардинами плотного шёлка тёмно-зелёного цвета, а слева у стены располагался кожаный диван с высокой спинкой, отделанной деревом.

Я переступила порог кабинета, посмотрела на портрет застенчиво улыбающейся Ба, висящий над диваном, и на меня нахлынули воспоминания. Ещё ребёнком, когда Деда не было дома, я иногда усаживалась за этот огромный стол и, представляя себя генералом, принимала важный вид. Ба, глядя на меня, смеялась, а я спрашивала её:

— Бабушка, а разве генералы командуют армией из-за стола? Они ведь должны впереди всей армии ехать на белом коне или на танке.

Я и сейчас невольно улыбнулась, вспомнив свой наивный детский вопрос. Как давно это было! Помню, на этом столе всегда лежала стопа чистой бумаги, и я с удовольствием рисовала на белых

листах Дедовым остро очиненным карандашом.

Раньше в кабинете усилиями бабушки и Фроси всегда царил строгий порядок, но сейчас по всей поверхности письменного стола были разбросаны газеты вперемешку с различными мелкими предметами, а на полу около корзины для бумаг валялся смятый исписанный листок. Машинально я подняла его и уже хотела бросить в корзину, но, движимая любопытством, развернула и прочла.

Это был черновик завещания, согласно которому Дед оставлял свою пятикомнатную квартиру, дачу, все свои вклады в сберегательной кассе и прочее движимое и недвижимое имущество, включая богатую коллекцию трофейного антиквариата, вывезенного им когда-то из Европы... кому? Имя вписано не было. Я ещё раз перечла написанное. Наследник не был указан. Так, значит, Дед решил состряпать завещание. А я-то думала, что он так и померёт без подобной бумажки, и мы с Андрюшкой всё разделим между собой.

Но кому же Дед всё оставляет? Я порылась на столе, нашла ещё пару черновиков завещания, но нигде не было проставлено имя того, кому, в конце концов, достанется всё генеральское добро.

В прихожей несколько раз тренькнул звонок. Я вздрогнула и машинально сунула бумагу, которую только что изучала, в сумочку.

Вернулся с прогулки Дед. Он появился на пороге кабинета, поддерживаемый смазливой девицей лет двадцати, с первого же взгляда мне не понравившейся. Рядом с роскошными формами сиделки тщедушное, высохшее тело старика казалось ещё более немощным. Я встала из-за стола.

— Здравствуй, Дед. Нам надо поговорить.

При этих словах Дед как-то, как мне показалось, хитро прищурился.

— Поговорить? — переспросил он. — Хорошо, Елена, давай поговорим.

Он уселся на диван, почти затерявшись в его кожаных глубинах из-за своей худобы. Медсестра сбоку облокотилась о спинку дивана, явно намереваясь присутствовать при нашем разговоре. Меня это просто взбесило.

— Дед, надо поговорить без посторонних.

— Какая же мне Лида посторонняя? Она теперь обо мне заботится. Круглосуточно рядом со мной, — с непонятной интонацией ответил Дед.

Мне всё меньше нравилась эта Лида.

— Дёд, я серьёзно, — угрожающе произнесла я. — Мы будем обсуждать дела семейные. Надеюсь, ты Лиду ещё не удочерил? — не удержавшись, съязвила я, одновременно пуская глазами искры в сторону настырной сиделки.

— Фёдор Семёнович, я подожду за дверью, чтобы вам не мешать, — очевидно, поймав мой посыл, проворковала девица, наклоняясь к Деду, зыркнула на меня и бесшумно, как тень, скрылась из кабинета.

Я подошла к дивану, на котором скрючился Дед, опустилась рядом с ним, и, постаравшись соорудить самое ласковое выражение лица, взяла Деда за руку:

— Ты прости, что я давно не заезжала к тебе, но в последнее время у меня было так много дел. Я думала, Андрюшка уделяет тебе достаточно внимания, ведь он живёт с тобой.

— Андрюшка, — заворчал Дед. — Где он, тот Андрюшка? Неделями где-то пропадает. Деньги у меня начал таскать, я подозреваю. Разве что за руку его пока не поймал. Неужто мало я ему даю? И не стыдно ему старика обворовывать? Уж как я его любил, растил, сироту, столько сил на него и средств извёл...

— Это точно, — поддакнула я, между тем вспоминая перекошенное лицо брата, орущего под свистящим генеральским ремнём. — Так я о чём хотела поговорить... Передумала я с разменом этой квартиры. К чему тебя на старости лет дёргать с переездами. Живи спокойно на заслуженном отдыхе.

Дед удивлённо уставился на меня слезящимися глазами. Спорю на что угодно: такого он от меня не ожидал.

— Да, и ещё, — не давая ему опомниться, продолжала я, — У тебя же скоро юбилей. Семьдесят пять лет! Надо обязательно отметить, как следует. Ресторан хороший заказать, народа побольше пригласить. Ты уже думал об этом?

— Да не хочу я никакого ресторана и видеть никого не хочу. К чертям собачьим её, эту шумиху

парадную. Стар я уже для этого.

— Тем лучше, давай отметим тихо, по-семейному. Накроем хороший стол на даче. Ты же сто лет за город не выезжал. Никого чужих. Только родственники. Организацию и подготовку беру на себя. Ну, как тебе моя идея? Ну что ты, как бирюк, сидишь тут в четырёх стенах?

Дед задумчиво пожевал губами, не спеша соглашаться, и, наконец, кивнул:

— Юбилей так юбилей. Три четверти века — всё-таки, не шутка. Ты права, Елена, надо отметить.

— Вот и славно, — поднялась я со стула. — День рождения твой через месяц — у меня ещё будет время всё подготовить. Расходы беру на себя.

При последних моих словах, мне показалось, лицо Деда просветлело. Старый жмот!

Я сделала пару шагов к двери, а потом повернулась и бодро-весёлым голосом произнесла:

— Да, кстати, я тут пока тебя ждала, случайно увидела на твоём столе черновик завещания. Ты что же это, помирать собрался? Что за мрачное настроение накануне славного юбилея?

— Мне тут намедни звонок уже был с того света, еле откачали. Вот, решил дела свои привести в порядок. Кто знает, сколько ещё протяну.

— Не говори так. Ты у нас крепкий дуб, армейской закалки. Мы тебе ещё столетний юбилей справим.

Выдержав паузу, я осторожно спросила:

— Ну и кого в наследники свои запишешь, если не секрет?

Дед снова прищурился. Взгляд его, мгновенно ставший пытливым, почти скрылся за черепашьими веками:

— Да вот, Елена, решил: тебя. Отпишу, думаю, всё внучке, Андрюшке ничего не оставлю потому как шалопай он. Шалопай и дурак. На днях нотариус должен прийти. Решил я не тянуть с таким важным документом. Всё оформлю, как положено, и спокойнее себя буду чувствовать.

Стараясь сдержать поднявшуюся внутри радостную волну, я произнесла как можно равнодушнее:

— Ладно, Дед, всё равно это твоя воля. Как решишь, так и будет. Ты, главное, не болей. Я на днях опять забегу.

На толстом ковре, устилающем пол, почти не было слышно моих шагов, поэтому, когда я распахнула дверь кабинета, с той стороны от неё едва успела отскочить медсестра Лида. Подслушивала, гадюка. Да, непростая девочка. Надо обратить на неё внимание.

Глава 4

Телеграмму принесли за неделю до юбилея. Дверь почтальону открыла я. Теперь я часто бывала у Деда.

— Виноградов Андрей Викторович здесь проживает? — устало спросила пожилая женщина в берете. — Телеграмма ему.

— А его сейчас нет. — Андрюшка по-прежнему очень редко показывался дома, где-то шляясь до глубокой ночи. — Я его сестра. Могу за него расписаться?

— Ну не нести же мне телеграмму обратно. Срочная всё-таки, да еще и международная. Расписывайтесь вот здесь, — женщина ткнула пальцем в бланк. — И укажите время доставки.

Сунув мне в руки листок, почтальонша тяжелой походкой вышла за дверь.

«Прилетаю восемнадцатого надеюсь успеть юбилей Мария» — растерянно прочитала я. Кто эта Мария? Откуда она прилетает, и почему это она собирается на юбилей Деда? Я прочла обратный адрес: «Париж, Франция». Чушь какая-то.

В тот день я напросилась остаться у Деда на ночь. В последнее время наши взаимоотношения улучшились, и Дед не стал возражать. Я решила дождаться Андрюшку и выяснить, кто такая эта загадочная Мария.

Фрося постелила мне в моей старой комнате, где я когда-то прожила несколько лет — комнату для гостей уже прочно занимала сиделка Лида, как оказалось, действительно денно и ночью дежурившая при старом генерале.

Знакомая обстановка вызвала призраки прошлого. Если сперва я боялась, что меня сморит сон, и я пропущу Андрюшкино появление, то вскоре поняла, что всё равно не смогла бы уснуть среди вещей, рождавших тысячу воспоминаний. Вот старый шкаф, в котором я скрывалась от Андрюшки, когда мы играли в прятки, вот на полке

мои любимые книжки, зачитанные до дыр, вот здесь, за изголовьем кровати, я когда-то нацарапала карандашом своё имя на обоях — оно и сейчас ещё там. Эта квартира помнила меня. Я была ее частью.

Только где-то часа в три ночи в замке входной двери заскребся ключ. Андрюшка вошёл, не сильно заботясь о соблюдении тишины, скинул ботинки, которые громко стукнулись об пол, и чертыхнулся, обо что-то ударившись. По голосу я поняла, что он нетрезв. Накинув халат, я вышла из комнаты ему навстречу.

— Алька? — удивился брат. — Ты почему здесь? С мужем, что ли, разошлась?

— Типун тебе на язык. Поговорить надо, а тебя только ночью поймать и можно. Совсем загулял.

— Вот только мораль читать не надо, ладно?

— И не собираюсь.

Я сунула к Андрюшкиному носу зажатую в кулаке телеграмму:

— Кто такая Мария?

— О чём речь, не понял? — пьяно икнул братец.

— Она прислала телеграмму. Прилетает восемнадцатого. Будет на юбилее. Кто она такая?

— А-а-а-а! Эта! — наконец сообразил Андрюшка, — Это Тётя Маша.

— Какая ещё тётя Маша?

— Мария Данваль. Сестра нашего отца. Наша с тобой тётка. Живёт в Париже. Когда-то давно выскочила замуж за француза и умотала за бугор.

Я вспомнила конверты, которые сжигал Дед.

— Ты состоишь с ней в переписке? Как давно она тебе пишет?

Андрюшка ошетинился:

— «Состоишь в переписке» — подумать только, как официально! А что такого? Она писала Деду, а тот жёг её письма. Однажды, года три назад, я спрятал одно письмо. Там на конверте был обратный адрес, я и ответил. Ну, мы писали друг другу..., — он снова икнул, — не часто. Может, раз в несколько месяцев. Так, свежие семейные

новости. Иногда она звонила, когда Деда не было дома. Вот и недавно тоже. Я и рассказал ей про твою идею с юбилеем на даче и про то, как Дед чуть не сыграл в ящик от приступа. Они давно друг с другом в ссоре. Эта Мария и решила, наверное, помириться с отцом, пока тот не откинул коньки. А юбилей для этого — хороший повод.

Я слишком хорошо знала своего братца, чтобы поверить в его бескорыстную переписку с парижской тёткой. Для Андрюшки написать даже две строчки всегда было непосильным трудом.

— Она что, высылала тебе деньги?

— Нет, — помявшись, ответил он.

Я тряхнула Андрюшку за плечи:

— Только не ври мне. Я всё равно узнаю, слышишь?

Брат потупился:

— Ну, высылала. Немного. По сто-двести франков. На двоих было бы слишком мало. Вот я тебе и не говорил...

Брезгливо отпихнув Андрюшку, который сразу же трусливо улизнул от меня в ванную, я

задумалась.

То, что мой братец сволочь отменная, я и раньше знала, так что факт утаивания денег, посылаемых нам тёткой на двоих, меня вовсе не удивил. Удивило меня другое. Зачем эта французская дочь через столько лет всё-таки решила приехать? Неужели и вправду хочет помириться с отцом? Интересный расклад.

Я вспомнила тот августовский день, когда умерла Ба. Перед смертью она кричала мужу: «Как ты можешь! Она же твоя дочь! Ты ей обещал!», а он отвечал ей: «Ничего она от меня не получит!» Так вот о ком они спорили. О дочери Маше. Данваль, судя по всему, она по мужу. Значит, ещё тогда на что-то из отцовского добра претендовала. А теперь вот узнала про инфаркт, почувяла, что в воздухе запахло наследством, и решила примчаться из славного города Парижа.

Что ж, пусть приезжает. Всё равно ей ничего не достанется. Нотариус уже побывал здесь, и Дед ещё раз подтвердил мне, что решил всё имущество отписать мне одной. Мадам Данваль ждёт крупное разочарование. Только зря потратится на билеты.

Успокоившись, я вернулась в постель.

Вдохнув знакомый запах старой комнаты, я закрыла глаза. Засыпая, я умиротворённо подумала: «Эта квартира всё равно будет моей».

* * *

Всё меньше времени оставалось до дня рождения Деда. Решено было, что праздновать будем три дня, и соберётся только самый ближний круг родственников: мы с мужем, Андрюшка и сам именинник. Дед настоял, чтобы на его юбилее не было никого посторонних. Я отнеслась к этому, как к старческому чудачеству, а впрочем, с облегчением вздохнула, узнав, что гостей будет мало, а соответственно, и хлопот тоже.

И всё же ударить лицом в грязь не хотелось. Ведь ожидалась гостья из Парижа — мадам Данваль. Тётя Маша. Она должна была стать сюрпризом. Я решила сохранить её приезд в тайне от Деда до самого последнего момента, не зная, как он на него отреагирует.

Понятия не имея, как отмечают юбилеи во Франции, я из кожи вон лезла, чтобы подготовить торжество на даче по высшему разряду. Меню праздничного обеда уже было составлено. Оставалось только закупить продукты и напитки.

Готовить будет Фрося, привезённая из города заранее. А я займусь украшением цветами «банкетного зала» — большой столовой на первом этаже нашей дачи.

Всё должно быть готово до трёх часов, когда прибудет Дед. Андрюшка встретит в аэропорту нашу французскую тётку и привезёт её на дачу к тому же времени.

В первый день, когда гости еще только будут собираться, вечером состоится общий ужин. Но это, разумеется, еще не апогей праздника. Так, разминка. Карен возьмёт на себя роль тамады. Андрюшке доверять такое нельзя — как всегда, ухитрится напиться вдрызг в первые же полчаса.

На следующий день — торжественный обед. Вот там уж придется расстараться, чтобы все прошло без сучка и без задоринки. Ну а дальше — как пойдет... Кто на сколько захочет задержаться... Надеюсь, у заморской гостьи хватит такта не утомлять нас своим обществом больше трех дней. Андрюшка точно смоется в город, Карен, конечно же, скажет, что не может надолго оставлять свою фирму без присмотра. Дед... Черт его знает, как там с Дедом все повернется. Еще тот фрукт. Совершенно стал непредсказуемый.

Что ещё? Всё ли я учла? Я очень нервничала, боясь что-нибудь забыть или перепутать. Даже толстокожий Андрюшка, всегда занятый исключительно собственной персоной, заметил мою нервозность и со свойственным ему грубым юмором сказал:

— Расслабься, Алька, всё будет о'кей. Сделаем Деду такой юбилей, что он от счастья коньки отбросит.

Я побледнела, дала ему подзатыльник и ответила:

— Заткнись, а то накаркаешь ещё.

* * *

За день до юбилея я затеяла генеральную уборку вместе с прибывшей мне на подмогу Фросей. Мы выметали пыль из каждого уголка, натирали полы, чистили ковры. Я даже настояла на том, чтобы убраться на чердаке, куда давно уже не заглядывала. Я вспомнила, что в сарае есть старая щетка на длинной ручке, которая пригодилась бы для того, чтобы сметать паутину с потолка, и пошла за ней. Щетка стояла в дальнем от входа углу. Едва я протянула к ней руку, как взвизгнула и закричала в ужасе:

— Ай! Крыса! Здесь крыса!

Я пулей выскочила из сарая. На мои крики уже бежала Фрося.

— Что случилось?

— Крыса! Я видела крысу. Вон там, — указывая пальцем в угол, тряслась я от отвращения.

Вооружившись стоявшими здесь же вилами, Фрося мужественно полезла в тот самый угол, о котором шла речь. Пошебуршав там, она повернулась ко мне и сказала:

— Убежала, наверное. А это точно была крыса? Может, показалось?

Я до сих пор ещё не могла прийти в себя:

— Но я её видела! Фрося, какая она была жирная и отвратительная! Как я ненавижу крыс! Надо сегодня же потравить этих тварей.

— Чем же их травить? Не дихлофосом ведь? Тут, небось, какой специальный крысомор нужен?

— Думаю, подойдёт любой сильный яд. Помоги-ка мне достать кое-что из кладовки.

Я извлекла с чердака, где хранились старые

вещи, несколько запылённых коробок с колбами и реактивами — всё, что осталось от моего бывшего увлечения химией во время обучения в университете.

— Может быть, здесь я найду что-нибудь подходящее.

Фрося с интересом наблюдала, как я перебираю пузырьки, читая наклеенные на них ярлычки.

— Вот это наверняка сработает, — вытащила я из коробки склянку с надписью от руки «КСN», — Цианистый калий. Сильный яд. Мы с ребятами когда-то втихаря синтезировали в лаборатории несколько граммов из любопытства. Кажется, пришла пора его применить. Фрося, я оставлю пузырёк на кухне, на полочке с чистящими средствами, около раковины. Завтра после банкета останется много объедков, начиним их отравой и раскидаем в сарае. А пока, на всякий случай, надо сделать вот что, — я взяла красный фломастер и крупными жирными буквами написала на этикетке: «ЯД». — Надеюсь, теперь мы не перепутаем цианид с сахаром — уж очень они похожи.

Глава 5

И вот наступил день сбора гостей. Я проснулась с каким-то странным щемящим чувством: я словно раздваивалась на две половины, одна из которых восклицала: «Всё пройдёт прекрасно!», а вторая качала головой: «Добром это не кончится».

Мне вдруг захотелось, как в детстве, залезть с головой под одеяло, но пора было вставать: старый дом уже ожил, наполнился звуками. На кухне гремела посуда: Фрося готовила завтрак. В соседней комнате работал телевизор — Карен смотрел утренние новости. Я сделала глубокий вдох и вынырнула из кровати навстречу своим нехорошим предчувствиям.

И действительно, с самого утра всё пошло наперекосяк, ломая мои планы. Муж, необычно озабоченный и хмурый, закрылся в комнате с компьютером и кучей бумаг, категорически потребовав его не беспокоить, пока не появятся гости. И это именно тогда, когда я собиралась попросить его помочь нам с Фросей передвинуть от стены в центр столовой тяжеленный дубовый стол. Пришлось надрываться самим.

Потом бестолковая Фрося умудрилась

серьёзно порезать руку, пока чистила овощи. Это значительно замедлило процесс подготовки праздничного обеда, и я начала нервничать, боясь, что ничего не будет готово к назначенному сроку. Пришлось самой тоже повязать фартук и крутиться на кухне. Я еле успела привести себя в порядок и переодеться, как у ворот просигналила машина.

Я вздрогнула. Это Дед. Крикнув Карену, чтобы он выходил в столовую, я пошла к воротам встречать старика.

Шофер открыл дверцу автомобиля, и первой показалась сиделка Лида. Вместо привычного белого халата сегодня на ней было сильно декольтированное платье, с трудом сдерживающее пышные формы медсестры.

Я тихо выругалась сквозь зубы. Ещё одно нарушение моих планов. Вот уж кого точно не хотелось бы видеть среди гостей. Её, кажется, никто не приглашал. Впрочем, судя по безмятежному выражению лица, Лиду это ничуть не смущало. Едва ступив на землю, она повернулась ко мне спиной, наклонилась так, что, казалось, несчастное платье сейчас лопнет, натянутое её фигурой, и протянула руки в салон машины. Опираясь на них, медленно и тяжело

вылез Дед. Как ни странно, сегодня он выглядел лучше обычного. Кажется, инъекции из этих пухлых ручек явно пошли ему на пользу.

Демонстративно игнорируя сиделку, я расцеловала Деда и вручила ему огромный букет гладиолусов.

— С днём рождения тебя!

— Спасибо, Елена, — проскрипел Дед.

«Даже сейчас назвал меня Елена, как в паспорте. А ведь Ба всегда называла меня Алёнкой или Алёнушкой. Ну что за чёрствый сухарь», — мелькнула в голове короткая мысль.

— Я сегодня с Лидочкой. Теперь я без неё никуда, поэтому прошу любить и жаловать, — Дед слабой рукой подтолкнул меня к своей сиделке.

А! Я, значит, Елена, а она, зато, Лидочка — не ускользнуло от моего внимания. Выжав из себя вежливо-холодную улыбку, я церемонно поздоровалась и тут же опять повернулась к Деду.

— Пойдём в дом. Сегодня на улице прохладно. Тебе надо беречь своё здоровье.

— Елена, покажи водителю, куда поставить машину.

— Вот как, у тебя опять новый шофёр? — удивилась я.

Мне навстречу шагнул подтянутый, сдержанный мужчина средних лет.

— Антон, — коротко представился он.

— Елена Викторовна, — я равнодушно скользнула по новичку глазами. — Видите там, слева, кирпичное строение? Это гараж. Он не заперт. Поставьте машину туда.

Прежде чем послушаться, Антон окинул меня внимательным взглядом, словно рентгеном просветил. Мне даже на мгновение стало не по себе. Не слишком ли он бесцеремонен для простого водителя?

* * *

Когда мы втроем — я, Дед и Лида — вошли в столовую, там уже сидел в одном из кресел у стены мой муж, а в уголке робко жалась Фрося, ожидая

сигнала что-нибудь принести или унести.

— Где Андрюшка? — требовательно спросил Дед. — Я же просил собраться всех родственников.

— Сейчас приедет, — успокоила я Деда, глянув на часы.

Минут через двадцать от дороги донёсся автомобильный гудок. Фрося, повинуясь моему взгляду, выскользнула из комнаты, чтобы открыть ворота.

Это, наверняка, Андрюшка с французской тёткой. Хлопнула дверца машины. Я выглянула в окно, но с моей позиции не было видно прибывших пассажиров. Ладно, подождём. Дольше ждали. Я отошла от окна и прислонилась спиной к буфету, чувствуя, как напряглось тело.

Сейчас они, должно быть, идут к дому. Вот голоса донеслись уже с крыльца. Андрюшка о чём-то спросил Фросю, и та ему ответила. Неужели мадам передумала, и брат приехал один? Вот он вошёл в комнату, задержавшись на пороге, и обменялся со мной взглядами. По его виду я поняла, что тётка прибыла.

— Привет, Дед! С юбилеем! У меня для тебя подарок. Ни за что не догадаешься, какой! — воскликнул Андрюшка и, посторонившись, пропустил вперёд невысокую стройную женщину — изящно одетую и тщательно причёсанную натуральную блондинку с голубыми глазами, ещё очень красивую, несмотря на то, что свой тридцатипятилетний порог она явно перешагнула. — Узнаёшь, кого я тебе привёз?

Женщина сделала ещё несколько несмелых шагов и остановилась.

— Здравствуй, папа, — тихо произнесла она.

Глава 6

Дед как-то странно дёрнулся, поднёс руку к воротнику, словно задыхаясь, потом лицо его побагровело, брови сдвинулись.

«Сейчас он её прогонит», — успела подумать я.

Но вдруг у Деда внутри словно что-то сломалось. Плечи его дёрнулись, и из горла вырвался звук, похожий на сдавленное рыдание. Он закрыл лицо руками, и сквозь пальцы мы все услышали хриплое: «Дочка».

— Папа, — странно произнеся это слово с ударением на конце, женщина бросилась на шею старику.

Они обнялись.

— Как ты стала похожа на свою мать! — тихо произнёс Дед не то с осуждением, не то удовлетворённо, прижав голову дочери с тщательно завитыми локонами к своей щеке.

Я удивилась: ведь в моей памяти Ба сохранилась как сморщенная старушка с седыми волосами, а глаза у нее хоть и были голубыми, но какого-то сильно полинялого цвета.

Уже громче, обращаясь ко всем присутствующим, Дед твёрдым голосом сказал:

— Знакомьтесь. Это моя дочь Маша.

Примирение после четвертьвековой разлуки. Не каждый день присутствуешь на подобном событии. Мы все неловко молчали, не зная, как себя вести в этой ситуации. Андрюшка взял инициативу в свои руки.

— Это Алька, то есть, Елена, моя сестра, —

начал он с меня.

— Очень приятно познакомиться со своей племянницей. Вы с Андрюшей можете называть меня тётей Машей, и давайте без церемоний: будем «на ты», можно? — спросила мадам, обнаружив еле уловимый иностранный акцент, и улыбка обнажила её красивые белые зубы — один к одному.

«Наверное, коронки, — мелькнула у меня мысль. — На хорошего дантиста денег тётке хватает. Да и выглядит она подозрительно молодо. По моим подсчётам ей сейчас не меньше сорока пяти, а ведь не скажешь. Небось, и на пластического хирурга она периодически тратится». Впрочем, вслух я как могла более приветливо произнесла:

— Разумеется, к чему церемонии, мы же близкие родственники, тётя Маша. Рада нашей встрече.

А братец продолжал:

— Это Карен, Алькин муж.

— Ну а для вас я, наверное, буду просто Мария, — представилась ему мадам.

— Просто Мария! Ну прямо бразильский сериал какой-то! — Андрюшка, не сдержавшись, громко заржал, помянув идущую уже второй год по телевизору мексиканскую «мыльную оперу». Пришлось исподтишка ущипнуть его, чтобы призвать к приличному поведению.

Муж засуетился, сунулся целовать руку мадам. Чёрт возьми, неужели решил блеснуть перед ней манерами? Я попыталась вспомнить, когда Карен в последний раз целовал руку мне, и, не вспомнив за последние несколько лет вообще ни единого подобного случая, почувствовала укол ревности: ведь когда-то муж не сводил с меня глаз и буквально на руках носил — куда все это делось? Я уж решила было, что он начинает утрачивать интерес к женщинам вообще, а не только ко мне. Но нет ведь! Вон как вскинулся при виде француженки!

— А это Лидочка, наш Айболит, — между тем представил Андрюшка медсестру.

— Лида работает сиделкой у Деда, — поспешила я объяснить, какое положение занимает эта девица в доме.

— Очень приятно. Мария, — не обделила

даже Лидочку улыбкой французская тётя.

— Вообще-то, с сегодняшнего дня я больше не работаю у Фёдора Семёновича, — сладким голоском вдруг пропела медсестра.

Я удивлённо подняла брови и уже открыла рот, чтобы задать вопрос, что она тогда тут вообще делает, но меня опередил брат. Игриво шлёпнув сиделку пониже талии, он спросил:

— За что это тебя Дед уволил? Что-нибудь не то ему вколола, что ли? Или не туда?

Фривольный шлепок не укрылся от глаз всех присутствующих. Дед побагровел, мелко затряс головой и возмущённо произнёс:

— Прошу держать свои руки при себе и не распускать их. Лида больше не работает у меня потому, что мы с ней планируем вступить в законный брак.

Он по-хозяйски накрыл своей морщинистой ладонью руку медсестры, лежащую на спинке кресла, а та в ответ беззастенчиво поцеловала Деда в покрытую старческими пятнами щеку.

В столовой уже второй раз за последние четверть часа воцарилось недоумённое молчание.

Сначала возвращение блудной дочери. Теперь вот такой мезальянс с разницей в возрасте в каких-то пятьдесят лет! Воистину, сегодня чересчур насыщенная программа развлечений!

Я с ненавистью уставилась на Лидочку. Та с вызовом обводила глазами всех присутствующих. Наконец, обретя дар речи, Андрюшка присвистнул и сказал:

— Ну, Дед, ты даёшь.

— Папа, — то ли укоризненно, то ли растерянно произнесла мадам.

Карен сначала снял очки, потом надел, потом опять снял и ожесточённо начал протирать их краем скатерти.

— Фёдор Семёнович, вы это сейчас серьёзно говорите? — пролепетал он. Интересно, а муж-то что так разволновался?

Так и знала, что эта змея-сиделка преподнесёт сюрприз. Чужало моё сердце. Но, несмотря на бурю, бушующую у меня внутри, надо было «сохранять лицо». Игра не окончена. Мы ещё посмотрим, чем всё закончится. Взяв себя в руки, я расплылась в фальшивой улыбке и сказала:

— Неужели вы не видите, что это вовсе не шутка? Что ж, по такому поводу надо выпить, ведь так, Дед?

Не сводя умильного взгляда с румяного лица медсестры, старик кивнул:

— Это замечательная идея.

— Фёдор Семёнович, врач запретил вам алкоголь, — заволновалась новоиспечённая невеста.

— Ради такого дела не грех и тяпнуть, — поддержал, сразу оживившись, Андрюшка.

Уж этот ни за что не упустит возможность лишний раз «принять на грудь».

Еле уловимым движением головы я послала Фросю за аперитивом.

После нескольких вымученных тостов в какой-то гнетущей атмосфере гости разбрелись по своим комнатам.

Когда чуть позже я зашла в кухню, чтобы проверить, все ли готово для ужина, я застала Фросю за мытьем посуды. Из-за шума бегущей

воды стоящая ко мне спиной домработница не слышала моих шагов и сейчас, не подозревая о моем присутствии, громко бормотала:

— Вот стерва бесстыжая! Это ж надо! А он-то хорош! Старый хрыч! Да чтоб ты сдох, окаянный! Чтобы ты сдох!

Она сердито громыхала посудой в мойке, плюхая ее с размаха на стол, а потом вдруг схватила край надетого на нее белого фартука и начала утирать им глаза.

Я почувствовала себя так, словно подсматриваю что-то очень интимное, и предпочла тихонько выйти.

Похоже, это Фрося про Деда. Вроде прислуга, а тоже приняла новость об этой дурацкой свадьбе близко к сердцу. А чего Дед от нас хотел? Чтобы мы все обрадовались такому союзу? Это же курам на смех: дряхлый маразматик и юная хищница! Не бывать этой свадьбе! Надо что-то срочно предпринять. Но что? Как образумить упрямого старика? Я искала выход и не находила его.

* * *

Когда все семейство собралось в столовой на ужин, я изо всех сил пыталась делать вид, будто все

в порядке. Приклеив на лицо улыбку, я одаряла ею даже Лидочку — эту ходячую проблему я постараюсь решить позже, а пока не портить же Деду юбилей!

Все гости оделись соответственно случаю: мы с Марией в вечерние платья, Лидочка так и осталась в том неприлично тесном наряде, в котором приехала, Карен надел темно-серый австрийский костюм в элегантную, чуть заметную полоску и шелковый галстук, и только Андрюшка, как всегда приперся в джинсах — заставить его надеть что-то иное оказалась не в силах даже я.

Дед появился в своем форменном кителе с генеральскими погонами и целым иконостасом орденов и медалей на груди. Я про себя отметила, что он предпочел нацепить все эти награды вместо орденских планок. Сколько же они весят! Охота ему их было сегодня на себе таскать! Все же не День Победы.

А впрочем, пусть делает, что хочет: это его праздник. Видать, решил поразить свою юную невесту. И, похоже, ему это удалось: Лидочка периодически бросала восхищенные взгляды на все это бренчащее богатство, но меня не оставляло впечатление, что при этом она лишь мысленно

подсчитывала, почем можно загнать эти награды на черном рынке.

Подарки решено было вручить уже сегодня. Лидочка не подарила ничего. Французская дочь преподнесла имениннику мягкий пушистый свитер. Дед повертел его в руках, приложил к своему высохшему тельцу, одобрительно крякнул: «Теплый!» и передал юной невесте. Та скроила кислую мину, красноречиво говорящую: «Можно было бы расщедриться и на что-нибудь подороже».

Карен от всех нас, хотя, разумеется, Андрюшка, не вложил ни копейки, поздравил тестя и вручил ему подарок — дорогие швейцарские часы с дарственной надписью. Дед в ответ расцеловал зятя в обе щеки и по-детски восхищённо стал вертеть в руках часы, рассматривая их и прикладывая к уху.

Лидочка, как куклу, взяла его за плечи, подвела к ближайшему креслу и усадила. Дед, кажется, даже не заметил, что над ним произвели эту операцию, по-прежнему восхищаясь часами.

«Господи, — глядя на него, вдруг подумала я, — а ведь он всё больше сползает в маразм. Как же вовремя он написал завещание в мою пользу, а

то ведь мог оставить всё хотя бы этой приبلудной Лидочке! Что бы мы тогда делали?»

Словно подтверждая мои сомнения по поводу трезвости ума, Дед неожиданно встревожено заозирался, заёрзал в кресле и обеспокоено произнёс:

— Где мой шофёр? Я хочу, чтобы он тоже присутствовал здесь сегодня.

Мы с Кареном удивлённо переглянулись. Никогда раньше такого и вообразить было невозможно. Дед всегда сохранял большую дистанцию между собой и любим, кто стоял ниже него на социальной лестнице. К обслуге — шофёру и домработнице — обращался пренебрежительно, называл только по имени, без отчества, на ты. И уж тем более ему никогда раньше не пришло бы в голову выкинуть такой номер. Впрочем, это его день рождения. Хочет, пусть хоть свинью к себе за стол сажает.

Я отправила Фросю в гараж за новичком-водителем. Что-то слишком много непредвиденных гостей собирается присутствовать. Не нарушит ли это мои планы касательно маленького семейного праздника?

Вернулась Фрося с шофером. Он, войдя в комнату, обвел всех цепким взглядом и скромно сел на стул в углу рядом с домработницей, стоя ожидающей приказаний.

Можно уже потихоньку перемещаться за стол. Я приказала Фросе подавать закуски и обратилась к Деду:

— Ты у нас сегодня виновник торжества, поэтому твое место — во главе стола. А остальных рассаживай сам.

Я могла ожидать от старика чего угодно, но только не того, что по правую руку от него окажется медсестра Лидочка, а по левую — водитель Антон. Для меня это было явным доказательством того, что старик действительно тихо сбрендил и, кажется, скоро вообще перестанет узнавать своих. Стиснув зубы, я вышла из комнаты. Что ж, Дед сегодня не устаёт меня удивлять.

Но оказалось, что он готовил нам еще один сюрприз. Когда ужин был уже в самом разгаре, и мы тостовали уже не по одному кругу, Дед вдруг встал и произнес:

— Я тоже хочу сказать здравицу.

Все замолчали. У меня вдруг появилось

нехорошее чувство, что добром вся моя затея с юбилеем не кончится.

И тут Дед вынул из-за пазухи пистолет.

Глава 7

Я сразу узнала дедово наградное оружие, которое он не раз показывал нам с Андрюшкой.

Что старик еще задумал?

Лидочка боязливо отодвинулась, сидящий рядом с Дедом Антон мгновенно как-то весь подобрался, не спуская глаз с вороненого дула, благо, оно было направлено в дальний угол комнаты, а не на кого-то из присутствующих. Фрося шумно ахнула, остальные замерли, боясь пошевелиться и гадая, заряжен ли пистолет.

Дед усмехнулся и сказал, обводя взглядом гостей:

— Я прожил долгую жизнь. Всякое в ней бывало, — тут он посмотрел мне прямо в глаза, потом отвел взгляд и продолжил. — Но я всего себя положил служению родине. Я до сих пор помню свой первый бой. В самом начале войны. Я был тогда молодым, необстрелянным лейтенантом,

только окончившим военное училище. Взвод, которым я командовал, участвовал в отражении контратаки немецких пехотных частей. Вокруг рвались снаряды. Гибли наши солдаты, едва успев подняться из окопа. Мне было страшно, но я шел вперед и вел своих людей за собой. Потом было еще много боев. Какие-то уже забылись, какие-то мне не забыть никогда. Я дошел до Праги, был тяжело ранен, и лишь тогда война для меня окончилась. Я до сих пор ношу в теле два осколка. Именно их я считаю своим главным доказательством воинской доблести, а не эти ордена и медали.

Он хлопнул себя по груди, и металлические кружочки зазвенели.

— Но я никогда не забываю, что родина высоко оценила мои заслуги. Я — Герой Советского Союза. Я генерал. Я всю жизнь отдал нашей армии, — продолжал Дед. — За службу своему народу и Советскому Союзу...

— Дед, да сэсэсэра больше нет, — встрял Андрюшка.

— Цыц, оболдуй! — рявкнул на него дед. — Не перебивай меня! Развалили СССР! А что нынче вместо него? Тьфу! Раньше нашу силу уважали во

всем мире. А теперь что с армией сделали? Все порастащили!..

Понимая, что Дед перешел к своей любимой теме и может еще долго разоряться о развале советской армии, я решила вмешаться:

— Ты же тост хотел сказать, — напомнила я, опасливо косясь на дуло «макарова», которым именинник начал в запале размахивать во все стороны.

Зыркнув на меня, Дед продолжил:

— За службу Советскому Союзу я был награжден именным оружием. Вот, — он направил ствол в воздух, демонстрируя всем собравшимся накладную пластину с гравировкой, — «От Президиума Верховного Совета СССР».

Дед сунул пистолет под нос Карену, сидящему между Лидочкой и мной. Тот побледнел.

— Не ссы, не заряжен, — грубо успокоил его генерал. — Так вот, к чему я всё это? Да чтоб вы знали: хоть я и уволился в запас, но еще полон сил. И если я что-то решил, будет по-моему. Если сказал: женюсь — значит женюсь, и нечего смотреть на меня, как на ненормального!

Дед с размаха хлопнул «макаров» на стол.

«Будь ты нормальный, ты бы не пистолетом доказывал нам свое право жениться в семьдесят пять лет», — подумала я, глядя на белую, как мел, Марию Данваль и понимая, что не ударить в грязь лицом перед Францией не получится: в своих расчетах я не учла Дедов характер.

Как бы он не выкинул еще какой-нибудь фортель! В последнее время он, на мой взгляд, всё стремительнее соскальзывает в пропасть старческого маразма...

Как в воду глядела!

— И еще, — снова глянув прямо на меня, добавил старик, — Лидочка станет не только моей женой, но и единственной наследницей.

При этих словах Лидочка обвела нас всех торжествующим взглядом.

* * *

Хотя, как мне показалось, никто из гостей и ухом не повел на такое заявление генерала, новость о том, что наследницей будет Лидочка, прозвучала

для меня, словно гром среди ясного неба. Дождавшись окончания ужина, который затянулся до десяти вечера, и проследив за уборкой в столовой, я кинулась в спальню старика выяснять отношения — не буду же я делать это при гостях! Это наши с Дедом дела.

Когда я вошла в комнату, Дед, уже переодетый в теплый халат, сидел в кресле, а его тощие ноги были по щиколотку погружены в тазик с водой. Лидочка тоже облачилась в халатик, причем не менее откровенный, чем платье, которые мы все сегодня созерцали. Она неспешно расчесывала перед трельяжем свои волосы плебейского, на мой взгляд, цвета «красное дерево», достойного лишь продавщицы деревенского сельмага.

Черепашьи веки старика были блаженно полуприкрыты, но, едва я появилась, он зыркнул из-под них на меня на удивление острым взглядом, а потом вовсе закрыл глаза и капризно произнес:

— Че-то продуло меня, Елена. Ты в столовой завтра окна так не распахивай. Не хватало еще на свой юбилей в соплях, как в шелках, расхаживать.

Ах ты, паразит, старый! Он тут мне еще зубы будет заговаривать пытаться!

Я повернулась к Лидочке и коротко приказала:

— Выйди.

Однако та высокомерно посмотрела на меня и процедила:

— Я вам не прислуга какая, чтобы меня отсылать. Я невеста Федора Семеновича. Теперь все, что касается его, касается и меня.

А Дед важно кивнул: да, мол, так и есть.

Я едва не обалдела от такой наглости. Ах, вон как! Придется напомнить, кто тут главный.

Разглядывая свои ногти, я скучающим тоном произнесла:

— Ну, Дед, раз ты хочешь, чтобы Лидочка была в курсе всех твоих дел, — слово «всех» я произнесла с многозначительным нажимом, — тогда, конечно, пусть она остается. Я как раз хотела поговорить о делах прошлых.

Слово «прошлых» я снова подчеркнула, и Дед, поняв намек и прошив меня злобным взглядом, недовольно рявкнул наглой молодухе:

— Пойди погуляй.

Лидочка оскорблено фыркнула и вылетела из комнаты, хлопнув на прощание дверью.

Прежде чем начать разговор, я подошла к двери и резко распахнула ее. Так и есть! Не ожидавшая этого медсестра, пытающаяся нас подслушать, обалдело воззрилась на меня и отскочила назад.

— А ну, брысь, — брезгливо бросила я.

Стоя в дверном проеме, я проводила нахалку глазами, пока не убедилась, что «невеста» с оскорбленным видом спускается на первый этаж. Опять, небось, на кухню направилась: Фрося жаловалась мне, что эта девица, не дожидаясь ужина, всю вторую половину дня так и крутилась возле холодильника и все таскала и таскала оттуда еду. В детстве, что ли, ее недокормили? Или ей нужна двойная порция, чтобы поддерживать пышность в своих телесах? Да что с нее взять? Плебейка есть плебейка. Никакого воспитания. Одна борзота.

Покрепче прикрыв дверь, я повернулась к Деду:

— А теперь объясни, почему ты аннулировал

свое завещание.

— Какое завещание? — поднял брови Дед.

— То, которым ты назначил меня своей наследницей.

— А я его никогда и не составлял, — хитро глянул на меня старик.

— Что-о-о? — вскинулась я. — Ты же сам мне говорил...

— Ну говорил, что собирался... А потом передумал. Могу я передумать? Зачем тебе мое добро? У тебя муж небедный. А у Лидочки никого нет. Случись что со мной, как она жить будет?

Я скрипнула зубами: нашел, о чем беспокоиться — да эта девица нигде не пропадет!

— Хочешь, я на тебя дачу перепишу? — предложил Дед.

Это переполнило чашу моего терпения, и я, забыв, как весь последний месяц изо всех сил старалась держать себя в руках, заорала:

— Дачу? К чему мне эта куча старых дров?

Ты вообще соображаешь, что творишь? Хочешь, чтобы и квартира в центре Москвы, и наследство ушли на сторону?

В одно мгновение с Деда слинял простоватый вид, глаза его сверкнули сталью, и я невольно вспомнила, что разговариваю с армейским генералом.

— Тебе-то какое дело? — жестко произнес он. — Это все не ты зарабатывала, не тебе и решать, кому достанется. Забываешься, Елена!

Я наклонилась и схватила Деда за плечи, худоба которых ощущалась даже сквозь толстый халат:

— Нет, это ты забываешься. Может, мне напомнить кое-что тебе, а заодно и всем остальным?

Несколько мгновений наши взгляды вели молчаливую борьбу. Наконец, Дед отвел глаза и сказал:

— Ладно, вернусь в город — оформлю завещание.

— Ну уж нет! Вызывай нотариуса сюда: как хочешь, но чтобы завтра утром он был здесь, а

завещание было готово еще до обеда.

Дед задумчиво пожевал губами, наклонил голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то, а потом ответил:

— Хорошо, Елена. Как скажешь.

* * *

Выйдя из Дедовой спальни, я сделала несколько шагов по коридору и прислонилась к стене. Меня терзало двойственное чувство: с одной стороны я была рада, что поставила на место старого хрыча и особенно его юную акулу, а с другой стороны меня мучило отвращение к самой себе: мне уже опротивело всего добиваться шантажом. Ну почему у нас в семье по-другому не получается!

И кому еще оставлять наследство? Не Андрюшке же! У него в руках деньги долго не задерживаются, а квартиру он пропьет в два счета. И не этой заморской дочери: живет она в Париже, судя по ее виду, не бедствует, вот и пусть дальше там обитает, а на мой каравай рот не разевает. Ну а бывшей сиделке дедово наследство достанется только через мой труп.

Я глубоко вздохнула и выпрямилась, оттолкнувшись от стены.

Дом затих: гости, наверное, разошлись по своим комнатам и уже легли спать. Мне тоже пора на боковую: завтра очень важный день.

Я решила сходить на первый этаж за ежедневником, который забыла в столовой, чтобы еще раз пробежать глазами список всех дел, которые я наметила на утро.

Спускаясь по лестнице, я услышала какой-то шум, неожиданно раздавшийся со стороны кухни. Я помедлила, а потом все же решила проверить, кто там копошится так поздно.

Глава 8

Я уже шагнула с последней ступеньки в просторный холл-прихожую и собралась повернуть направо, чтобы, пройдя через огромную столовую, оказаться в кухне, как вдруг входная дверь, расположенная слева от лестницы, открылась. С улицы повеяло вечерней прохладой, и через весь холл по полу протянулась полоса света от фонаря на крыльце. В дом вошла Мария, а за ней, по-джентльменски придерживав дверь, Карен. Оба,

как я разглядела, улыбались чему-то, что, очевидно, только что обсуждали.

Карен щелкнул выключателем, и холл ярко осветила пара люстр. Увидев меня, он удивился:

— Лена? Ты что здесь бродишь в потемках?

— Я забыла свой ежедневник в столовой, а ты откуда?

— Я показывал нашей гостье окрестности. Мы ходили на речку.

Мадам Данваль кивнула:

— О да, Карен, спасибо вам за то, что побыли моим гидом. Сама я, скорее всего, заблудилась бы: я так давно здесь не была!

Она повернулась ко мне:

— Это такое странное чувство, когда смотришь вокруг себя и узнаешь и одновременно не узнаешь пейзаж. Как здесь все изменилось! А речка осталась прежней, только начала покрываться ряской. Вода в ней раньше была такой чистой, прозрачной...

Глаза у мадам Данваль сделались будто стеклянными. У меня возникло ощущение, что она

смотрит сквозь меня. В этот момент я почему-то вспомнила, как эта речка чуть не забрала навсегда Андрюшку. А у этой дамы, интересно, какие такие воспоминания связаны с ней?

Я кашлянула, и Мария словно стряхнула с себя оцепенение:

— Вы простите, что я устроила такую позднюю прогулку. Совершенно не хочется спать — ведь между нашими странами разница во времени. Париж отстает от Москвы на несколько часов.

Она улыбнулась:

— Но обещаю, что сейчас же отправлюсь в свою комнату и честно попытаюсь заснуть.

— Я провожу нашу гостью, — вскинулся Карен.

— Ваша комната наверху, справа от лестницы, — напомнила я мадам Данваль.

— Спасибо, я не заблужусь, — снова сверкнула неестественно белыми зубами тетка.

И тут я осознала: ведь она знает этот дом не хуже меня, потому что много раз бывала здесь еще